Его «муж» обладал длинными пальцами — не такими гладкими и мягкими, как у брата, с тонкими мозолями от постоянного хватания меча. Улэйжо смотрел ему в глаза, грубо лаская его тело, наблюдая, как тот развратно высовывает язык, а бёдра всё сильнее сжимают его пальцы. Внутри было влажно и податливо, и Улэйжо впервые касался такого места — ему даже странно, почему между ног у красавца ещё и член растёт. Тот и от прикосновений к своему пенису получал удовольствие, а потом взял руку Улэйжо и направил её ниже, к самой щели. Внутри всё было залито соком; Улэйжо ввёл два пальца, пошевелил ими — и в ответ услышал высокий, надрывный стон, полный блаженства. Красавец заплакал от наслаждения, сжимая чужие пальцы, сам пододвигаясь на них, чтобы они глубже вошли. Этот мужчина был то холоден, то груб, то нежен — и красавец любил его всем сердцем, а сейчас особенно полюбил ту руку, что была внутри него.

Его тело оказалось слишком чувствительным, и после долгого воздержания он быстро достиг предела. Даже кончив, он ещё какое-то время сжимал пальцы Улэйжо, постанывая:

— М-м-м… Чаган…

Было так хорошо, что хотелось, чтобы его взяли по-настоящему.

Улэйжо вынул пальцы, лишь когда тот окончательно успокоился. Красавец видел, что «муж» возбуждён, но делает вид, будто ничего не происходит: надел простую рубаху, слез с постели и вышел из комнаты. Красавец вскрикнул:

— Куда ты?

Улэйжо не ответил. Он вышел в снег, вымыл руки и лицо ледяной водой — продрог до костей, лишь тогда вернулся обратно. В комнате красавец устроил сцену: лёжа на кровати, он потребовал:

— У тебя кто-то есть?

Улэйжо молчал. Видя, что тот отвернулся к стене, красавец ударил его кулаком:

— Ты ужасен! Я беременна, а ты завёл других!

Улэйжо закрыл глаза, притворившись спящим. Красавец снова начал хныкать и причитать, пока Улэйжо не обернулся и не рявкнул:

— Хватит!

Красавец, весь в слезах, увидел его лицо, чёрное от злости, как дно котла, — и сам отвернулся, лёг и затих. Обиделся. Замолчал.

Наутро Улэйжо из-за бессонной ночи встал поздно. Красавец же поднялся рано; сердито, с шумом надел купленную ему новую одежду и сапоги, тщательно причесал волосы. Он уложил их по-ханьски — не в косу, а в гладкий узел на затылке, закрепив грубой деревянной шпилькой. Улэйжо, глядя на эту красоту, молча стряхнул с коричневой медвежьей шапки пыль и водрузил её на голову красавца, а затем потребовал надеть и толстую медвежью шубу. Под ней красовалась красная хуфу — короткая куртка и штаны, да ещё тёмно-золотые сапожки, всё вместе смотрелось отлично. Увидев уродливую, грубую шубу, красавец взбунтовался:

— Не надену!

Улэйжо помрачнел:

— Наденешь.

Красавец глянул на его окаменевшее лицо — и чуть не расплакался. Улэйжо, не обращая внимания на капризы, накинул на него шубу, словно пытаясь утешить:

— На улице мороз. В том, что на тебе, не выдержишь.

Снаружи и вправду лежали снега, мех был необходим. Красавец брезгливо сморщился:

— Так купи хоть что-нибудь посимпатичнее! Это же уродство…

В этой шубе он и впрямь походил на бурого медведя. Улэйжо слегка поджал губы:

— Зачем тебе краситься?

Красавец сердито уставился на него — и вдруг спросил:

— Ты что, разлюбил меня из-за живота? Потому и завёл других?

Улэйжо не стал спорить. Собрал вещи, готовясь к отъезду. Красавец, уже сидя в повозке, не унимался:

— Сколько ещё ехать? Ты что-то скрываешь?

Вот почему каждый день он так гнал! Улэйжо, раздражённый, не желая слушать эти причитания, буркнул:

— Ничего не скрываю. Сиди спокойно.

Новая воловья повозка была прочнее и просторнее; Улэйжо даже соорудил над ней тент, так что теперь не страшны были ни снег, ни ночной холод.

Два яка тянули повозку легко, и двигались они быстрее.

Красавец сидел, покачиваясь на ухабах, и всё никак не мог понять: почему «муж» ведёт себя с ним так странно?

К границам Хунну они добрались больше чем через месяц. Живот красавца был уже на седьмом месяце, и Улэйжо вёл повозку медленно, останавливаясь на полдня, чтобы тот не утомился. По пути они снова заехали на рынок; Улэйжо показал красавца врачу и купил ему любимых лакомств. Врач был родом из ханьских земель, но давно осел здесь и славился на всю округу — к нему выстраивались очереди. Улэйжо дал серебра, чтобы пройти без очереди, и попросил осмотреть жену и ребёнка.

Врач провёл осмотр, поинтересовался, рожала ли супруга раньше. Красавец отвечал невнятно, и тогда Улэйжо сказал:

— Рожала. Старшему два года.

Врач улыбнулся:

— Раз рожала, значит, всё в порядке. Цвет лица у матушки хороший, тело крепкое.

Продолжайте ухаживать, как прежде, главное — держите в тепле, не волнуйтесь и не злитесь.

Но Улэйжо всё же попросил выписать лекарств на дорогу — на всякий случай. Красавец, услышав, что с ребёнком всё хорошо и что ему нужно больше двигаться, а не сидеть в повозке, обрадовался и сказал Улэйжо:

— Чаган, давай придумаем имя для малыша.

Он страстно желал, чтобы «муж» дал имя ребёнку — словно это было бы знаком признания его статуса. Улэйжо отказался, предложив выбрать имя самому. Красавец огорчился:

— А как зовут нашего старшего?

Улэйжо дёрнул уголком губ и негромко, смущённо пробормотал:

— Он же не от меня.

Красавец вспыхнул:

— Как ты можешь так говорить! И имя дать не хочешь, совсем ответственности никакой!

Улэйжо, заслышав привычное нытьё, снова рассердился. Врач же велел избегать волнений, сохранять покой, а он не слушается! Не выдержав бесконечных упрёков, Улэйжо рявкнул:

— Заткнись! Хватит меня пилить!

В повозке воцарилась тишина, а затем в спину Улэйжо угодил кусок замёрзшей, твёрдой, как камень, говядины. Улэйжо, получив удар, обернулся:

— Ты ещё и бьешься?

Красавец швырнул ему в лицо лепёшку. Улэйжо не посмел пререкаться — яньчжи его отца и впрямь всегда была вспыльчивой, раньше хлестала кнутом, а теперь вот снова принялась колотить.

Вечером, ложась спать, красавец хоть и дулся, но всё же требовал, чтобы «муж» обнял его. Тот в последнее время стал куда заботливее: греть воду, помогать умываться — ведь живот отяжелел так, что любое движение давалось с трудом. Сперва Улэйжо стеснялся прикасаться, но после поцелуев и ласк освоился. В конце концов, он уже видел его тело насквозь — и ничего предосудительного не совершал.

Тело красавца было нежным и белым, словно нефрит; в тепле повозки ему снова захотелось ласк. Улэйжо, не в силах противостоять, закрыл глаза и запустил руку между его бёдер. Красавец сладко застонал, сам потянулся губами к его губам — и Улэйжо погрузился в глубокий поцелуй. Успокоив его, Улэйжо поднялся, тяжело дыша, и снова вышел умываться в снег.

Его тело каждый раз отзывалось на ласки; порой он не выдерживал и справлялся сам. Красавец корил его за лицемерие, предлагал помочь — но Улэйжо стыдливо отстранялся.

Он не мог переступить через себя: ведь это любимая наложница ханьского императора, мать его брата, да ещё и беременная. Если он обнимет его… что это будет?

А если однажды красавец очнётся — не возненавидит ли его, не убьёт ли?

Когда Улэйжо увозил красавца из Усуня, снова возникли трудности. Хуянь только-только укрепился в районе Или, опасаясь, что Фуло снова нападёт, и разместил вдоль границы с Хунну множество всадников.

Чтобы проскользнуть, Улэйжо пришлось изрядно потрудиться. С красавцем проблем не было — главной опасностью был он сам. Боясь, что его опознают, он изменил свою внешность до неузнаваемости.

Красавец смотрел, как тот превращается в нечто невообразимое: волосы всклокочены, как гнездо, лицо и тело измазаны коровьим навозом, а ещё он специально поймал ядовитую осу и позволил ужалить себя в щёку — та распухла. Всё тело было вымазано краской, и он стал похож на ком чёрного дерьма. А потом Улэйжо нарезал звериной шерсти и наклеил её на грудь, руки и ноги — от природы он не был волосат, а теперь превратился в настоящего дикаря. Красавец с недоумением разглядывал «грудную шерсть» и с отвращением произнёс:

— Чаган, если ты будешь так издеваться над собой, я от тебя уйду.

Улэйжо, смущённо натягивая одежду, огрызнулся:

— К кому?

Красавец ответил:

— К угодно, только не к такому уродцу.

Улэйжо вспомнил об отце — и рассвирепел ещё больше:

— Да ты просто презираешь всех хунну!

http://bllate.org/book/16253/1462101